

Письма А. П. Чехова

Том 3 (1890-1891)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П35

П35 Письма А. П. Чехова: Том 3 (1890-1891) / – М.: Книга по Требованию, 2020. – 373 с.

ISBN 978-5-519-70027-6

3 том писем А. П. Чехова под редакцией М. П. Чеховой

ISBN 978-5-519-70027-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

людей, стогнали зря, безъ разсужденія, варварски; мы гоняли людей по холоду въ кандалахъ десятки тысячъ верстъ, заражали сифилисомъ, развращали, размножали преступниковъ и все это сваливали на тюремныхъ, красноносыхъ смотрителей. Теперь вся образованная Европа знаетъ, что виноваты не смотрители, а всѣ мы».

Отправляясь въ такой далекій путь, Антонъ П—чь былъ очень непрактиченъ: многое не было предусмотрено, а между тѣмъ его ожидали впереди «страшнейшій холодище» днемъ и ночью, необыкновенное разлитіе рѣкъ, борьба «не на жизнь, а на смерть» съ препятствіями, полное отсутствіе ѣды по дорогѣ, кромѣ «утячей похлебки», а затѣмъ—глубокая грязь, въ которой онъ «не ѣхалъ, а полоскался», и да-лѣе — жары, пыль и удушливый дымъ отъ громадныхъ лѣсныхъ пожаровъ. Другой на его мѣстѣ давно бы простудился на смерть и слегъ бы въ какомъ-нибудь попутномъ сибирскомъ городишкѣ, чтобы уже никогда не возвратиться назадъ, но унаслѣдованное имъ отъ дѣда и отъ отца крѣпкое здоровье помогло ему преодолѣть все и достигнуть намѣченной цѣли. Легочный процессъ тогда еще не особенно сильно давалъ себя знать. Привыкшій къ простому образу жизни, умѣвшій удовлетворяться лишь самымъ малымъ и не жаловавшійся ни на что, онъ бодро продолжалъ свой путь.

13-го октября 1890 г. Антонъ П—чь выѣхалъ на пароходѣ Добровольнаго флота «Петербургъ» изъ Сахалина и, наконецъ, черезъ Индію и Суэцкій каналъ возвратился въ Европу. Ему очень хотѣлось побывать въ Японіи, но развившаяся тогда на Востокѣ холера заставила «Петербургъ» держаться прямого пути и не заходить въ порты. Въ Китайскомъ морѣ Ан-

VI

топъ П—чъ выдержалъ ужасный штормъ, о которомъ послѣ рассказывалъ, какъ о важномъ событіи своей жизни: кренъ парохода былъ такъ великъ, что Аптонъ П—чъ держалъ наготовѣ револьверъ, чтобы въ случаѣ катастрофы покончить съ собою. Въ Индійскомъ океанѣ онъ на всемъ ходу парохода бросался съ палубы въ море съ носа и затѣмъ хватался за веревку, брошенную ему съ кормы. Это было его купаньемъ. Въ одно изъ такихъ купаній онъ видѣлъ недалеко отъ себя акулу и стаю рыбъ-лоцмановъ, которыхъ онъ описал потомъ въ своемъ разсказѣ «Гусевъ». Островъ Цейлонъ произвелъ на Антона П—ча особенно сильное впечатлѣніе. Здѣсь, какъ онъ говорилъ, «въ раю», онъ сдѣлалъ болѣе 100 верстъ по желѣзной дорогѣ и, судя по письму къ А. С. Суворину, былъ очень счастливъ. Онъ привезъ оттуда трехъ звѣрковъ-мангусовъ, которые потомъ жили у него болѣе года. Это были презабавные звѣри изъ породы ихневмоновъ, вѣроятно, самую природой предназначенные къ тому, чтобы портить, ломать и разорять все, что плохо лежало. Цѣлые дни эти мангусы ковыряли коготками малѣйшія щелочки въ квартирѣ Чеховыхъ, засовывали свои острые носы во всѣ даже самыя маленькія отверстія, и стоило только притти къ Антону П—чу какому-нибудь гостю и оставить въ прихожей цилиндръ и перчатки, какъ они ужъ всовывали свои носы въ каждый палецъ перчатки и спокойно располагались на почтѣ въ цилиндрѣ. Это забавляло Антона П—ча, но подъ конецъ наскучило и ему: двухъ мангусовъ онъ пожертвовалъ Московскому зоологическому саду, третій погибъ.

9-го декабря Антонъ П—чъ возвратился черезъ Одессу въ Москву.

Съ громаднымъ матеріаломъ онъ предпринялъ разработку вопроса о непригодности колонизаціи Сахалина,

VII

и результатомъ его работъ появился рядъ статей въ «Русской Мысли» подъ заглавіемъ «Островъ Сахалинъ». Кромѣ того, это путешествіе дало два разсказа: «Въ ссылкѣ» и «Гусевъ». Самъ Антонъ П—чъ придавалъ своему «Острову Сахалину» очень серьезное значеніе, въ Петербургѣ тоже очень благосклонно взглянули на результаты этой поѣздки и — кто знаетъ? — быть-можетъ, послѣдовавшія затѣмъ реформы по вопросу о каторгѣ и ссылкѣ произошли не безъ его вліянія. Кромѣ указанныхъ произведеній, въ 1890 году были напечатаны Антономъ П—чемъ еще его «Черти» (Воры) и фельетоны «По Сибири».

Проживъ около мѣсяца въ Москвѣ, Антонъ П—чъ отправился въ Петербургъ повидаться съ А. С. Суворовымъ. «Мнѣ страстно хочется поговорить съ Вами, — писалъ онъ ему. — Душа у меня кипитъ. Никого не хочу, кромѣ Васъ, ибо съ Вами только и можно говорить». Но большинство петербургскихъ литературныхъ друзей встрѣтило Антона П—ча завистливо и недоброжелательно. Какъ онъ писалъ оттуда сестрѣ, его окружала тамъ густая атмосфера злого чувства. Его кормили обѣдами и пѣли ему дифирамбы, но въ то же время готовы были его съѣсть. «Еслибы я застрѣлился, — писалъ онъ, — то доставилъ бы этимъ большое удовольствіе девяти десятымъ своихъ друзей и почитателей». Эти друзья и почитатели не давали ему покоя и въ Москвѣ. Тотчасъ же по его возвращеніи изъ Сахалина, они навѣщали его буквально съ утра и до вечера и не давали ему времени ни отдохнуть, ни поработать. Его удрученное состояніе отъ нихъ дошло до того, что онъ съ радостью встрѣтилъ предложеніе А. С. Суворина ѣхать вмѣстѣ съ нимъ за границу. Окончивъ свои хлопоты по снабженію Сахалинскихъ школъ и дѣтей книгами и учебными пособіями, Антонъ П—чъ 19-го марта 1891 г.

VIII

утромъ пересѣхалъ границу и отправился въ Южную Европу. Вѣна произвела на него громадное впечатлѣніе. «Одни магазины въ ней—это, писалъ онъ, — сплошное головокруженіе, мечта». Но Венеція превзошла все его ожиданія. Выдавшій на своемъ вѣку такъ много, побывавшій въ «земномъ раю» на островѣ Цейлонѣ, онъ приходитъ въ дѣтскій восторгъ отъ Венеціи съ ея каналами и зданіями, и сознается, что ничего замѣчательнѣе этого города онъ въ своей жизни не видѣлъ. Здѣсь его увлекаетъ все: и плаваніе въ гондолѣ по улицамъ, и площадь св. Марка, и прекрасные вечера, отъ которыхъ «съ непривычки можно умереть». «Хочется здѣсь навѣки остаться», пишетъ онъ брату Ивану П—чу, «а когда стоишь въ церкви и слушаешь органъ, то хочется принять католичество». Но достаточно было пере-мѣниться погодѣ и полить дождю, какъ настроеніе писателя вдругъ пере-мѣнилось, упало, прекрасная Венеція перестала быть прекрасной, отъ воды повѣяло унылой скукой, и захотѣлось поскорѣе бѣжать куда-нибудь въ другое мѣсто. Эта смѣна настроеній замѣчалась въ немъ еще и раньше, во время путешествія черезъ Великій и Индійскій океаны, когда въ интересовавшемъ его Сингапурѣ ему вдругъ безпричинно стало такъ тоскливо, что захотѣлось даже плакать. Флоренція уже не увлекаетъ его: «Италія безъ солнца—это все равно, что лицо подъ маской», пишетъ онъ сестрѣ. Здѣсь ужъ онъ хандритъ. Римъ производитъ на него впечатлѣніе губернскаго города, онъ уже чувствуетъ утомленіе и желаніе поѣсть щей съ гречневой кашей. Послѣ Венеціи Антонъ П—чъ уже не получилъ ни отъ одного итальянскаго города того наслажденія, на которое рассчитывалъ. Настроеніе его портило еще и то, что онъ влѣзъ въ долги и что все предстоящее лѣто будетъ у него безъ денегъ. Поѣздка съ Суворовнымъ, не любившимъ

за границей стѣснять себя, втянула Антона П—ча въ сверхъ-смѣтные расходы, и онъ задолжалъ ему 1000 рублей. Этотъ долгъ увеличился еще проигрышемъ въ Монте-Карло въ рулетку 900 франковъ. Но этотъ проигрышъ Антонъ П—чь ставилъ себѣ въ заслугу. Онъ далъ ему новое впечатлѣніе, вѣроятно, подобное тому, какое онъ испытывалъ въ Индійскомъ океанѣ, когда бросался съ парохода въ воду. «Я лично очень доволенъ собой», писалъ онъ по этому поводу брату Михаилу П—чу.

Въ концѣ апрѣля 1891 г., побывавъ въ Парижѣ, Антонъ П—чь возвратился въ Москву. Вся его поѣздка прошла подъ дождемъ (если не считать Венеціи и Ниццы), и онъ самъ считалъ ее неудавшейся. Съ грустнымъ чувствомъ вернулся онъ на родину и тотчасъ же принялся за работу. Сразу двѣ поѣздки—на Сахалинъ и за границу—потребовали, конечно, отъ него большого напряженія въ средствахъ, но его семья экономила въ Москвѣ, насколько было возможно, онъ самъ работалъ, не покладая рукъ,—и кое-какъ удалось свести концы съ концами. Въ это время его младшій братъ Михаилъ П—чь былъ уже податнымъ инспекторомъ въ Алексинѣ, и, благодаря этому, лѣто 1891 года Антонъ П—чь провелъ съ семьей недалеко отъ этого городка, въ усадьбѣ Богимово, Калужской губерніи. Здѣсь Чеховы снимали домъ еще Екатерининскихъ временъ, гдѣ, чтобы перейти черезъ залу, мать писателя, Евгенія Яковлевна, присаживалась на полпути отдохнуть. Такъ велики были комнаты. Антону П—чу здѣсь очень нравилось. Громадный паркъ съ безконечными липовыми аллеями, поэтическая рѣчка, лѣса, рыбная ловля и собираніе грибовъ—все это успокаивало его и давало ему возможность работать. Приѣзжалъ сюда А. С. Суворинъ, велась бесѣда, какъ и прежде, но уже замѣтно было,

что Антонъ П—чъ былъ не тотъ, какимъ былъ въ Бабкинѣ и на Лукѣ, и что поѣздка на Востокъ состарила его и душевно и тѣлесно. Изъ оконъ дома открывался великолѣпный видъ на усадьбу Даньково, которую Антону П—чу очень хотѣлось купить. Эта усадьба съ домикомъ (но не лица въ ней) описаны въ рассказѣ «Домъ съ мезониномъ». Въ Богимовѣ Антонъ П—чъ продолжалъ писать свою «Дуэль», начатую еще до поѣздки за границу.

Жизнь въ столицахъ тяготитъ его. Съ этого времени онъ начинаетъ настойчиво думать о покупке своего собственного имѣнія, но уже не въ Малороссіи, какъ прежде, а въ Центральной Россіи. Петербургъ пересталъ уже привлекать его къ себѣ, онъ извѣрился въ своихъ петербургскихъ знакомыхъ. Вообще Петербургъ все болѣе и болѣе сталъ казаться ему празднымъ, холоднымъ, эгонистичнымъ. Зато Москва уже не представлялась ему, какъ прежде, «кухаркой», и онъ сталъ любить ее, какъ настоящій москвичъ. Онъ полюбилъ ея климатъ, ея людей, ея звонъ. Къ звону онъ всегда былъ неравнодушенъ. Бывало, онъ и раньше собиралъ цѣлыя компаніи и отпраплялся съ ними пѣшкомъ на Каменный мостъ слушать пасхальный звонъ. Жадно выслушавъ его, онъ отпраплялся затѣмъ бродить по церквамъ, изъ церкви въ церковь, и съ одеревенѣвшими отъ усталости ногами только къ концу пасхальной ночи приходилъ домой. Въ это время изъ приходской церкви возвращался любившій достоять всѣ службы до конца отецъ, всѣ братья Чеховы пѣли хоромъ «Христосъ воскресе», при чемъ Антонъ П—чъ пѣлъ басомъ,—и садились разговляться. Антонъ П—чъ ни одной пасхальной ночи не провелъ въ постели.

При всей любви къ Москвѣ, онъ все же не могъ и не хотѣлъ поселиться въ ней навсегда. Во время по-

ѣздокъ онъ привыкъ къ свободѣ и одиночеству; его тяготятъ слишкомъ многочисленные посѣтителѣ, духота московской квартиры послѣ простора сибирской тундры и океана. Для творчества ему нуженъ былъ покой, а его то всего меньше могла дать ему московская жизнь. А. С. Суворину онъ писалъ: «Ахъ, подруженьки, какъ скучно! Если я врачъ, то мнѣ нужны большыя и больница; если я литераторъ, то мнѣ нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровкѣ, съ мангусомъ. Нуженъ хоть кусочекъ общественной и политической жизни, хоть маленькій кусочекъ, а эта жизнь въ четырехъ стѣнахъ безъ природы, безъ людей, безъ отечества, безъ здоровья и аппетита—это не жизнь...» Острое желаніе уѣхать во что бы то ни стало изъ Москвы и поселиться въ усадьбѣ побуждало его поскорѣе приобрѣсти имѣніе. Между тѣмъ слухи о надвигавшемся голодѣ и самый голодъ заставили и его принять это близко къ сердцу и, со свойственной ему отзывчивостью, Антонъ П—чъ сталъ собирать пожертвованія въ пользу голодавшихъ, принималъ участіе въ «Сборникахъ», издававшихся для этой цѣли въ Москвѣ и въ Петербургѣ, и вступилъ въ переписку съ земскимъ начальникомъ Е. П. Егоровымъ, завѣдывавшимъ одной изъ наиболѣе пострадавшихъ отъ голода мѣстностей въ Нижегородской губерніи, а подъ конецъ и самъ отправился туда-же на голодъ. Это было уже въ 1892 году. Зимой Антонъ П—чъ приобрѣлъ свое собственное имѣніе Мелихово въ Московской губерніи. Здѣсь онъ жилъ, какъ настоящій помѣщикъ, принимая дѣятельное участіе въ земскихъ дѣлахъ, строилъ школы, лѣчилъ больныхъ, завѣдывалъ холерными участками, и ни одно, даже самое маленькое общественное дѣло не проходило мимо его вниманія. Страстный любитель цвѣтоводства, онъ цѣлыя часы проводилъ около розовыхъ кустовъ и тюльпа-

ХІІ

новъ, сажать кусты, сѣять и, какъ маленькій, радовался прилету скворцовъ. На Мелихово приходится самая значительная и по объему, и по содержанію часть произведеній Антопа П—ча. Къ этой эпохѣ относятся наиболѣе серьезныя его произведенія и—кто знаетъ, что бы еще написалъ онъ тамъ, еслибы болѣзнь, которая развилась уже настолько, что ее нельзя уже было скрыть ни отъ кого, не заставила его окончательно порвать съ Россіей, бросить все и переѣхать на постоянное жительство въ Крымъ.

Мелиховымъ начнется новый періодъ въ литературной дѣятельности Антопа Павловича,—опъ и самъ это признавалъ,—а потому необходимо болѣе подробно остановиться на описаніи его мелиховской жизни, что по характеру этого изданія должно быть отнесено къ слѣдующему тому «Писемъ».

Михаиль Чеховъ.

I.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

(СИБ. 1890 г. 26 янв.).

Уважаемая Марія Владиміровна, я не уѣхалъ, но быть у Васъ сегодня не могу. Миѣ принесли «Указатель» статей Морского сборника отъ 62 года по 82-й и просили вернуть его завтра утромъ. Въ настоящую минуту я выписываю статьи, касающіяся Сахалина и К^о, бранюсь, какъ мерзавецъ, и чувствую себя ужасно не въ духѣ.

Завтра около 2—3 часовъ дня я буду у Васъ. Поклонъ всѣмъ Вашимъ и Василисѣ Пантелевиѣ ¹⁾).

Вашъ Лицемеръ.

90—26/1

Миѣ нужно поговорить съ Вами объ одномъ очень важномъ дѣлѣ.

II.

М. П. Чехову.

(Съ подлинника).

28 Янв. (1890 г. СИБ.).

Миша, какого числа заложенъ мой билетъ? Серія 9145 № 17?

¹⁾ Саша Киселева—дочь адресатки.

Если срокъ 2 или 3 Февраля, то возьми у мамыши деньги и внеси еще за полгода. Такъ какъ квитанція заперта у меня въ столѣ, то попроси Волкова принять деньги безъ квитанцій, а просто такъ, на основаніи справки, какую пусть онъ сдѣлаетъ у себя по книгамъ. Квитанцію я пришлю ему, когда приѣду.

Приѣду я, должно быть, не раньше 4 или 5 Февраля. Ужасно соскучился.

Съ Галкинымъ-Враскимъ ¹⁾ почти все уже улажено. Маршрутъ: рѣка Кама, Пермь, Тюмень, Томскъ, Иркутскъ, Амуръ, Сахалинъ, Японія, Китай, Коломбо, Пертъ-Сандъ, Константинополь и Одесса. Буду и въ Манилѣ. Выѣду изъ Москвы въ началѣ Апрѣля.

Поклонъ всѣмъ нашимъ и увѣреніе, что я соскучился. Если тебѣ некогда сходить къ Волкову, то попроси Машу.

Видаюсь съ Маріей Владиміровной и Василисой ²⁾. Александръ и его семья здравствуютъ.

Твой А. Чеховъ.

III.

М. В. Киселевой.

(Съ подлинника).

28 Янв. (1890 г. СПб.).

Наконецъ я уѣхать, Марія Владиміровна! Хотѣлъ было сегодня повидаться съ вами и прогулять по Петербургу Василису Пантелевну, да не хватило времени— ѣздить прощаться. Передайте Валентину Яковлевичу ³⁾, что благодарить я его буду въ томъ самомъ письмѣ, въ которомъ опишу ему свой визитъ къ Зензинову ⁴⁾. □

¹⁾ Начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія.

²⁾ Киселевыи.

³⁾ Зять адресатки.

⁴⁾ М. М., представитель пзвѣстной чайной фирмы и общественный дѣятель. А. П. долженъ былъ сговориться съ нимъ относительно льготнаго билета на пароходъ Добровольнаго флота для поѣздки на Сахалинъ (фирма братьевъ Зензиновыхъ была агентомъ Добровольнаго флота).